

УДК 33

Экономический последствия глобализации в формировании национального характера: региональные аспекты

Рощина Ольга Евгеньевна

Доктор экономических наук,
профессор кафедры производственного и финансового менеджмента,
Российский государственный геологоразведочный университет им. Серго Орджоникидзе,
117485, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 23;
e-mail: roshchina@mail.ru

Аннотация

Правовые тенденции глобализации приводят к тому, что война между государствами называется международным вооруженным конфликтом. Это сделано для того, чтобы в полной мере выявить возможность ограничения применения санкций в отношении отдельных стран. Это происходит, когда государство участвует в вооруженном конфликте против другого государства. Поэтому вместо рассмотрения вопроса о том, находятся ли государства в состоянии войны, в настоящее время основное внимание уделяется вопросу о том, равнозначны ли военные действия между соответствующими государствами вооруженному конфликту. Такая постановка вопроса существует по той причине, что в статье 2, общей для четырех Женевских конвенций 1949 года предусматривается, что правила применяются в случае объявленной войны или всякого другого вооруженного конфликта, возникающего между двумя или несколькими высокими договаривающимися сторонами, даже если состояние войны не признается одним из них.

Соответственно, если война объявляется государством вооруженным конфликтом, то применяется общая статья 2 Женевских конвенций, и, таким образом, положения конвенций должны применяться независимо от того, начались или нет фактические военные действия. Ссылка на постулат ст 2, который указывает, что конфликт объявляется даже если состояние войны не признается одним из них указывает на то, что свод правовых норм будет применяться на основе фактической ситуации, независимо от того, решит ли какое-либо государство, участвующее в военных действиях, признать, что происходящее представляет собой вооруженный конфликт.

Для цитирования в научных исследованиях

Рощина О.Е. Экономический последствия глобализации в формировании национального характера: региональные аспекты // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Том 9. № 4В. С. 519-527.

Ключевые слова

Глобализация, правовые тенденции, военные действия, конфликт.

Введение

Дипломатические или политические заявления в отношении ситуации и участия Вооруженных сил могут носить информативный характер, но не являются определяющими для данного вопроса. Как только события будут иметь все признаки вооруженного конфликта, будут активированы и определены обязательства и права комбатантов, гражданских лиц и всех тех, кто затронут военными действиями, ситуация будет определяться правом вооруженных конфликтов.

Если государство делает вид, что вооруженного конфликта не существует, когда он явно существует, это может привести к ненужной и потенциально опасной путанице в Вооруженных силах. Примером может служить ситуация, когда применение силы, разрешенное правом вооруженных конфликтов, вполне может быть запрещено, если вооруженный конфликт не ведется. Поэтому важно, чтобы государства правильно описывали ситуации, в которых они развертывают свои вооруженные силы, с тем чтобы все участвующие стороны полностью и точно понимали правовой контекст, в котором они должны действовать. Вместе с тем необходимо также создать *animus belligerendi*, который предполагает возможность создания альтернативного *animus*, например экстерриториального правоприменения в отношении лиц, занимающихся преступной деятельностью против действующего государства и в отношении которых государство, в котором они находятся, не может или не желает действовать.

Основная часть

Любое различие, возникающее между государствами и приводящее к вмешательству вооруженных сил, является вооруженным конфликтом. Не имеет никакого значения, как долго длится конфликт или сколько лет происходит истребление населения.

Так, дело Кристофера Гринвуда, американского летчика, сбитого и захваченного сирийскими войсками в Ливане в 1980-х годах, свидетельствует о том, что наличие установленного факта вооруженного конфликта влияет на судьбы участников конфликтов. Так, США утверждали, что этот инцидент представляет собой вооруженный конфликт, дающий право отнесения пленного летчика к военнопленным и направлению него на лечение согласно Женевской конвенции III. Однако непонятно, как государства всегда это реализовывать, поэтому вполне возможно, что только тогда, когда боевые действия достигнут уровня интенсивности, превышающего уровень изолированных столкновений, они будут рассматриваться как вооруженный конфликт, к которому применяются нормы международного гуманитарного права. Однако МККК считает, что для того, чтобы военные действия представляли собой международный вооруженный конфликт, по-прежнему не должно быть порога интенсивности, поскольку это помогает избежать политических и правовых разногласий относительно того, достигнут ли этот порог, и по соображениям защиты. Кроме того, гуманитарное право применяется к любому спору между двумя государствами, связанному с использованием их вооруженных сил. Ни продолжительность конфликта, ни его интенсивность не играют роли: закон должен применяться в полной мере, в какой этого требует положение лиц и охраняемых им объектов.

Переступит ли то или иное вмешательство порог, с тем чтобы перерасти в вооруженный конфликт, будет зависеть от окружающих обстоятельств. Замена пограничной полиции военными Вооруженных сил и случайные трансграничные вторжения военнослужащих

сами по себе не приведут к такому уровню, равно как и случайные бомбардировки другой страны. Вторжение в другую страну, конечно, было бы вооруженным конфликтом. Как только порог достигнут, должны быть соблюдены юридические обязанности, налагаемые законом.

Хотя требование об участии двух или более государств в вооруженном конфликте является ясным, более сложным является положение, при котором отдельные лица или группы, не являющиеся органом государства, ведут борьбу против правительства государства, получая при этом определенную поддержку от другого государства. Вооруженные конфликты, которые начинались как немеждународные по своему характеру, могут быть интернационализированы, если государство вмешивается в поддержку повстанцев или мятежников либо путем проведения самих военных операций в поддержку повстанцев, либо путем осуществления контроля над действиями повстанцев. Точный характер контроля, который позволит интернационализировать вооруженный конфликт таким образом, был предметом различных толкований, соответственно, в решениях Международного суда и Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии. В деле Никарагуа Международный суд указал на необходимость эффективного контроля. Такой эффективный контроль будет возникать там, где существует зависимость и контроль. Как пояснил МС в деле о геноциде, лица, группы лиц могут для целей международной ответственности приравниваться к государственным органам, даже если этот статус не вытекает из внутреннего права, при условии, что на самом деле эти лица, группы действуют в "полной зависимости" от государства, инструментом которого они в конечном счете являются. В таком случае уместно выйти за рамки одного лишь правового статуса, с тем чтобы осознать реальность отношений между лицом, принимающим меры, и государством, к которому оно так тесно привязано, как представляется, не более чем его агентом: любое другое решение позволило бы государствам избежать своей международной ответственности, возложив всю ответственность на отдельных лиц, чья независимость была бы чисто фиктивной.

Такая полная зависимость, конечно, может и не существовать. Если это так, то в соответствии с судебной практикой международного суда конкретные деяния лиц, групп могут быть присвоены государству, если они осуществляются по его указаниям или под его руководством или эффективным контролем. Необходимо доказать, что этот "эффективный контроль" фактически осуществлялся или что государству были даны инструкции в отношении операций, в ходе которых имели место предполагаемые нарушения. Как правило, недостаточно общих инструкций в отношении мер, принимаемых лицами или группами лиц, совершившими нарушения.

В решении апелляционной камеры по делу Тадича Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) постановил, что для того, чтобы приписать деяния военной или военизированной группы государству, необходимо доказать, что государство осуществляет общий контроль над группой не только путем оснащения и финансирования группы, но и путем координации или оказания помощи в общем планировании ее военной деятельности. Только в этом случае государство может быть привлечено к международной ответственности за любое неправомерное поведение группы. Вместе с тем нет необходимости в том, чтобы государство также давало либо главе, либо членам группы инструкции относительно совершения конкретных действий, противоречащих международному праву.

Однако соответствующая поддержка должна выходить за рамки финансовой помощи, военной подготовки или предоставления военной техники. Обеспечение степени необходимого

контроля Степень необходимого контроля варьируется от только организационного до полного контроля за всей деятельностью государства. Требуется пояснить, является ли частное лицо или группа, которая не является организованной в военном отношении зависимой и выступает ли в качестве де-факто государственного органа при выполнении конкретного закона, необходимо установить, являются ли конкретные указания относительно исполнения данного закона инициативы государства или является ли противоправным деянием, было ли публично одобрено или утверждено государством после мероприятия. Напротив, контроль со стороны государства над подчиненными ему вооруженными силами или ополченцами, или военизированными формированиями может носить общий характер и должен включать в себя нечто большее, чем просто предоставление финансовой помощи или военной техники или обучение. В последнем случае выдачи государством конкретных приказов или направления им отдельных операций не требуется; необходимый контроль существует в том случае, если государство или сторона в конфликте играет определенную роль в организации, координации или планировании военных действий военной группы. В дополнение к финансированию, подготовке, оснащению или оказанию оперативной поддержки группе.

Не занимая официальной позиции по этому вопросу, МС признал, что, поскольку он используется для определения того, является ли вооруженный конфликт международным по своему характеру, вполне может оказаться, что критерий [общего контроля] применим.

Следует отметить, что вооруженный конфликт, который является интернациональным благодаря вмешательству другого государства для оказания помощи повстанцам может, пожалуй, стать немеждународным вооруженным конфликтом, если повстанцы возьмут на себя основную часть территории государства, участвующего в конфликте, и если повстанцы достаточно независимы от государства при наличии поддержки со стороны населения, что позволяет преобразить природу конфликта.

Чтобы быть "вооруженным" по своему характеру, конфликт должен включать ведение военных действий. В случае международного вооруженного конфликта к межгосударственным военным действиям и статусу участников будут применяться Женевские конвенции 1949 года, Гаагские конвенции и декларации 1899 и 1907 годов, Женевский протокол по газу 1925 года, а для государств-участников-Конвенция ООН по изменению окружающей среды 1976 года, API и другие соответствующие последующие договоры .

В случае международных вооруженных конфликтов будет по-прежнему применяться внутреннее право территории, на которой происходит конфликт, однако, действуя в соответствии с правом вооруженных конфликтов в целях продолжения военных действий, военнослужащий не будет нарушать это внутреннее право. Он или она будет пользоваться иммунитетом комбатантов за эти законные враждебные действия.

Статья 1(4) из API предоставляет специальное положение для особого класса вооруженного конфликта, который он определяет как конфликты, в которых народы ведут борьбу против колониального господства и иностранной оккупации и против расистских режимов в осуществлении своего права на самоопределение, закрепленного в Уставе Организации Объединенных Наций и Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций.

Такие конфликты, как правило, будут вестись в национальных рамках одного государства и в строгом смысле не носят международного характера. Действительно, в 1949 году они

считались немеждународными вооруженными конфликтами и попадали только под действие общей статьи 3. Вместе с тем они регулируются в рамках АРІ для государств, являющихся участниками этого договора, поскольку ситуации, предусмотренные в общей для Женевских конвенций статье 2, а именно международные вооруженные конфликты, включают коллизии по статье 1(4). Таким образом, эти конфликты по статье 1(4), или "конфликты национального освобождения", как мы будем их называть, классифицируются как международные вооруженные конфликты для целей АРІ и для целей конвенций 1949 года для государств-участников АРІ.

Чтобы подпадать под действие статьи 1(4), соответствующий "народ" должен бороться против колониального господства, иностранной оккупации или расистского режима. Если их оппонент не может быть объективно отнесен к какой-либо из этих категорий, это положение не применяется. Они должны также продолжать конфликт в порядке осуществления своего права на самоопределение. Соответствующее государство должно быть участником протокола, а орган, представляющий народ, должен взять на себя обязательство применять Конвенции и протокол посредством заявления, адресованного депозитарию.

Заявления во время конфликта тех, кто ведет соответствующий "народ" в его борьбе, не обязательно будут определяющими в отношении этих аспектов. Кроме того, необходимо надлежащим образом признать легитимность освободительного движения. В руководстве Соединенного Королевства говорится о признании соответствующей региональной межправительственной организацией как минимум. В дополнение к этим требованиям орган, представляющий население, должен взять на себя обязательство применять АРІ и Женевские конвенции; однако такое обязательство влечет за собой навязывание государству и органу, представляющему народ, прав и обязанностей, закрепленных в АРІ и Женевских конвенциях, в том числе касающихся статуса военнопленных. Следует отметить, что Соединенное Королевство сделало заявление о ратификации АРІ о том, что оно не будет связано декларацией такого рода, если Соединенное Королевство прямо не признает, что оно было сделано органом, представляющим людей, вовлеченных в такой вооруженный конфликт.

Как Марко Сассоли отметил, независимые негосударственные субъекты, такие как национально-освободительное движение никогда не будет в состоянии соблюдать такие подробные и уточненные нормы МГП международных вооруженных конфликтов, например, регулирующие обращение с военнопленными на оккупированных территориях, только несколько ситуаций будет признана государством, удовлетворяющего этим критериям – и, что более важно, не будут признаны территориальные государства как субъекты национально-освободительной войны.

Однако если к такому конфликту будет применяться АРІ, то это будет вооруженный конфликт, который по существу носит внутренний характер, но в котором комбатанты будут пользоваться статусом военнослужащих обеих сторон и в котором все захваченные комбатанты будут иметь право на статус военнопленных и вытекающие из этого права и привилегии, изложенные в Конвенции о военнопленных и АРІ. Договорные правила целеопределения, изложенные в статьях 48-67 АРІ, будут применяться, если вооруженный конфликт происходит на территории государства-участника АРІ, как и минимальные основополагающие гарантии, изложенные в статье 75 АРІ.

Однако никогда не было вооруженного конфликта, к которому применялась бы статья 1(4), и существует явная возможность того, что это положение станет несколько излишним.

Немеждународный вооруженный конфликт возникает, когда имеет место затяжное вооруженное насилие между правительственными вооруженными силами и силами одной или нескольких вооруженных групп или между силами таких вооруженных групп. Вооруженная деятельность повстанцев может, например, принимать форму восстания, мятежа и партизанских действий, включая городские партизанские действия, войны. Насилие должно достичь определенного уровня интенсивности, а стороны в конфликте должны иметь по крайней мере определенный минимальный уровень организации. Большинство современных вооруженных конфликтов носят немеждународный характер и затрагивают различные виды вооруженных групп.

Однако немеждународные вооруженные конфликты делятся на две категории, и в соответствии с общими рамками мы начнем с таких конфликтов, к которым применяется более широкий свод договорного права, а именно с тех, которые подпадают под действие второго дополнительного протокола к Женевским конвенциям, APII. Протокол развивает и дополняет общую статью 3 Женевских конвенций (без изменения существующих условий ее применения и касается следующих вопросов: все вооруженные конфликты, которые не охватываются статьей 1 [API] и которые происходят на территории Высокой Договаривающейся Стороны между ее вооруженными силами и диссидентскими вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые под ответственным командованием осуществляют такой контроль над частью ее территории, который позволяет им проводить устойчивые и согласованные военные операции и осуществлять протокол.

Это положение нуждается в тщательном анализе. Вводная ссылка на вооруженные конфликты, не охватываемые API, четко указывает на то, что международные вооруженные конфликты и конфликты, охватываемые статьей 1(4) API, исключены из сферы применения настоящего Протокола. Вооруженный конфликт должен происходить на территории государства-участника протокола. 'Территория' для этих целей включает территориальное море и воздушное пространство. Договор применяется только к вооруженным конфликтам между Вооруженными силами государства и диссидентскими вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами. Поэтому протокол не применяется ни к вооруженным конфликтам между различными элементами диссидентских сил, ни к конфликтам между диссидентскими силами и организованными вооруженными группами, ни к вооруженным конфликтам между организованными вооруженными группами. С одной стороны^ должны быть национальные вооруженные силы, а с другой – диссидентские вооруженные силы или организованная вооруженная группа или и то, и другое.

Заключение

Термин "вооруженные силы" для этих целей будет охватывать все вооруженные силы государства, включая правоохранительные и аналогичные учреждения. Однако соответствующие силы или учреждения, разумеется, должны быть вооружены.

Фраза 'диссидентские вооруженные силы' используется в отличие от "других организованных вооруженных групп", но нет никакой существенной разницы в правовых режимах, регулирующих целеопределение этих двух категорий. Хотя члены диссидентских вооруженных сил больше не являются членами государственных вооруженных сил, они не становятся гражданскими лицами только потому, что они выступили против своего правительства, и до тех пор, пока они остаются организованными в рамках структур

государственных вооруженных сил, эти структуры должны продолжать определять членство в диссидентских силах. Одного лишь пребывания в Вооруженных силах государства недостаточно для того, чтобы квалифицировать отдельных лиц в качестве членов диссидентских вооруженных сил. Бойцы, которые являются бывшими военнослужащими, но не остались в своих подразделениях (например, дезертиры), являются либо членами других организованных вооруженных групп, либо гражданскими лицами, непосредственно участвующими в боевых действиях.

Библиография

1. Григорян Г.М. Международные нормативные правовые акты как основа квалификации и расследования военных преступлений, совершаемых противоборствующими сторонами вооруженного конфликта // В сборнике: Современная юриспруденция: актуальные вопросы и перспективы развития сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Инновационный центр развития образования и науки. 2016. С. 68-77.
2. Гуриц С.Д. Актуальные вопросы применения международных гуманитарных норм в период военных международных и немеждународных конфликтов // Военно-юридический журнал. 2014. № 11. С. 28-32.
3. Данькина И.А., Данькина В.В., Чистяков А.А. Участие международного комитета красного креста и красного полумесяца в различных военных конфликтах // В сборнике: Медики - герои войн и локальных конфликтов Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2017. С. 161-163.
4. Зиборева Т.С., Соцкая К.Д. Принцип военной необходимости в контексте развития международного права вооруженных конфликтов // В сборнике: Право и суд в современном мире сборник статей по материалам XIII ежегодной Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Российский государственный университет правосудия; Под редакцией Э. Л. Лещиной, Е. М. Офман. 2016. С. 45-49.
5. Клюев К.Г. Международные миротворческие операции как политический инструмент урегулирования военно-политических конфликтов // Молодой ученый. 2016. № 10 (37). С. 127-131.
6. Минаков А.В. Особенности существующих методов диагностики несостоятельности организаций / А.В. Минаков // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 11-2 (52). – С. 799-804.
7. Минаков А.В. Оценка эффективности инвестиционной стратегии страховой организации / А.В. Минаков // Экономика и предпринимательство. – 2014. – №8 (49). – С. 522-526.
8. Минаков А.В. Роль иностранного инвестирования в активизации инновационной деятельности в условиях неопределенности / А.В. Минаков // Экономика и Предпринимательство. – 2013. – № 11-2 (40). – С. 47-50.
9. Омшанова Э.А. Бюджет стимулирования экономического роста, или как не выйти за рамки бюджетного правила / Э.А. Омшанова, А.Ю. Чалова // Федерализм. – 2018. – № 4(92). – С. 115-133.
10. Савченков С.Н. О принципах и практике применения международного гуманитарного права в области защиты населения при военных конфликтах // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. 2015. № 6. С. 3-11.
11. Циватый В.Г. Дипломатическая практика и образ дипломата в военных конфликтах раннего нового времени: международный и институциональный аспекты // В сборнике: военная история России: проблемы, поиски, решения материалы III Международной научной конференции, посвященной 160-летию окончания Крымской войны 1853-1856 гг.: в 2 частях. ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет». 2016. С. 350-359.
12. Широкин П.Ю. ООН в свете особенностей применения норм международного права в разрешении военных конфликтов // Военно-юридический журнал. 2014. № 11. С. 17-19.

Legal trends of globalization: regional aspect

Ol'ga E. Roshchina

Doctor of Economics,
Professor, Department of Industrial and Financial Management,
Russian State Geological Prospecting University named after Sergo Ordzhonikidze,
117485, 23, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: roshchina@mail.ru

Abstract

The legal trends of globalization lead to the fact that war between States is called an international armed conflict. This is done in order to fully identify the possibility of limiting the application of sanctions against individual countries. This occurs when a state engages in an armed conflict against another state. Therefore, instead of considering whether States are at war, the current focus is on whether hostilities between the States concerned amount to armed conflict. This is because article 2, common to the four Geneva conventions of 1949, provides that the rules shall apply in the event of a declared war or any other armed conflict arising between two or more high Contracting parties, even if a state of war is not recognized by one of them .

Accordingly, if war is declared by a state to be an armed conflict, General article 2 of the Geneva conventions applies, and thus the provisions of the conventions must apply whether actual hostilities have begun. The reference to the postulate of article 2, which indicates that a conflict is declared even if a state of war is not recognized by one of them, indicates that the body of law will apply on the basis of the actual situation, regardless of whether any state participating in hostilities decides to recognize that what is happening constitutes an armed conflict.

For citation

Roshchina O.E. (2019) Ekonomicheskiy posledstviya globalizatsii v formirovani natsional'nogo kharaktera: regional'nyye aspekty [Legal trends of globalization: regional aspect]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 9 (4B), pp. 519-527.

Keywords

Globalization, legal trends, military actions, conflict.

References

1. Grigoryan G.M. (2016) Mezhdunarodnye normativnye pravovye akty kak osnova kvalifikatsii i rassledovaniya voennykh prestuplenii, sovershaemykh protivoborstvuyushchimi storonami vooruzhennogo konflikta V sbornike: Sovremennaya yurisprudentsiya: aktual'nye voprosy i perspektivy razvitiya sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Innovatsionnyi tsentr razvitiya obrazovaniya i nauki. pp. 68-77.
2. Gurits S.D. (2014) Aktual'nye voprosy primeneniya mezhdunarodnykh gumanitarnykh norm v period voennykh mezhdunarodnykh i nemezhdunarodnykh konfliktov Voенno-yuridicheskii zhurnal. № 11 pp. 28-32.
3. Dan'kina I.A., Dan'kina V.V., Chistyakov A.A. (2017) Uchastie mezhdunarodnogo komiteta krasnogo kresta i krasnogo polumesyatsa v razlichnykh voennykh konfliktakh V sbornike: Mediki - geroi voin i lokal'nykh konfliktov Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. pp. 161-163.
4. Ziboreva T.S., Sotskaya K.D. (2016) Printsip voennoi neobkhodimosti v kontekste razvitiya mezhdunarodnogo prava vooruzhennykh konfliktov V sbornike: Pravo i sud v sovremennom mire sbornik statei po materialam XIII ezhegodnoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh. Rossiiskii gosudarstvennyi universitet pravosudiya; Pod redaktsiei E. L. Leshchanoi, E. M. Ofman. pp. 45-49.
5. Klyuev K.G. (2016) Mezhdunarodnye mirotvorcheskie operatsii kak politicheskii instrument uregulirovaniya voenno-politicheskikh konfliktov Molodii vchenii. № 10 (37). pp. 127-131.
6. Minakov A.V. (2014) Osobennosti sushchestvuyushchikh metodov diagnostiki nesostoyatel'nosti organizatsii / A.V. Minakov Ekonomika i predprinimatel'stvo. № 11-2 (52). pp. 799-804.
7. Minakov A.V. (2014) Otsenka effektivnosti investitsionnoi strategii strakhovoi organizatsii / A.V. Minakov Ekonomika i predprinimatel'stvo. №8 (49). pp. 522-526.
8. Minakov A.V. (2013) Rol' inostrannogo investirovaniya v aktivizatsii innovatsionnoi deyatel'nosti v usloviyakh neopredelennosti / A.V. Minakov Ekonomika i Predprinimatel'stvo. № 11-2 (40). – pp. 47-50.
9. Omshanova E.A. (2018) Byudzhet stimulirovaniya ekonomicheskogo rosta, ili kak ne vyiti za ramki byudzhetnogo pravila / E.A. Omshanova, A.Yu. Chalova Federalizm. № 4(92). pp. 115-133.
10. Savchenkov S.N. (2015) O printsipakh i praktike primeneniya mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava v oblasti zashchity naseleniya pri voennykh konfliktakh Problemy bezopasnosti i chrezvychainykh situatsii. № 6. pp. 3-11.

-
11. Tsivaty V.G. (2016) Diplomaticeskaya praktika i obraz diplomata v voennykh konfliktakh rannego novogo vremeni: mezhdunarodnyi i institutsional'nyi aspekty V sbornike: voennaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchenoi 160-letiyu okonchaniya Krymskoi voiny 1853-1856 gg.: v 2 chastyakh. FGAOU VO «Volgogradskii gosudarstvennyi universitet». pp. 350-359.
 12. Shirokin P.Yu. (2014) OON v svete osobennosti primeneniya norm mezhdunarodnogo prava v razreshenii voennykh konfliktov Voенно-yuridicheskii zhurnal. № 11. pp. 17-19.